ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

ПЕРОВА АНАСТАСИЯ ЕВГЕНЬЕВНА

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ РЕФЛЕКСИИ «НОВЫХ» ЭКОЛОГИЧЕСКИХ КАТАСТРОФ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Специальность 22.00.01 – Теория, методология и история социологии

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Научный руководитель:
доктор социологических наук,
доцент Федотова Н. Н.

Москва – 2018

Работа выполнена на кафедре социологии Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Научный руководитель: **Федотова Надежда Николаевна**
доктор социол. н., доцент, профессор кафедры социологии ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Официальные оппоненты: **Лапшов Валерий Александрович**
доктор социол. н., профессор, заведующий кафедрой социологии Института международных отношений и социально-политических наук ФГАОУ ВО «Московского государственного лингвистического университета»

Сосунова Ирина Александровна
доктор социол. н., профессор,
руководитель Центра прикладных исследований Национального информационного агентства «Природные ресурсы»

Ведущая организация: **Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)**

Защита состоится «27» июня 2018 г. в «13» часов в ауд. _____ на заседании диссертационного совета Д 209.002.04 (социологические науки) на базе Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России по адресу: 119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в научной библиотеке им. И.Г. Тюлина МГИМО МИД России и на сайте: www.mgimo.ru.

Объявление о защите диссертации и автореферат диссертации размещены на официальном сайте Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации по адресу: http://vak.ed.gov.ru/.

Автореферат разослан «___» _____2018 г.

Ученый секретарь диссертационного совета **Носкова А.В.**

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИОННОЙ РАБОТЫ

Актуальность темы исследования обусловлена усложняющимися проблемами, возникшими в результате агрессивного воздействия человека на окружающую среду, что получило название антропоцена. Глобальное изменение климата и его турбулентность, вызывающая таяние льдов и повышение уровня океанов, сокращение биоразнообразия Земли, ее опустынивание, неограниченное потребление природных ресурсов наряду с загрязнением воды, почв, воздуха, наглядно свидетельствуют о серьезных угрозах для планеты, вызванных неконтролируемой человеческой деятельностью. Все они относятся к «новым» катастрофам – понятие, предложенное Дж. Урри в 2011 г.

При всей очевидности этих вызовов, актуальности исходящей от них угрозы людям не свойственно принимать их всерьез: экологические проблемы известны и осознаваемы на многих уровнях, однако поиск путей выхода из наметившегося кризиса неопределен и политизирован. Ученые все чаще акцентируют внимание на глобальных экологических проблемах, вызванных недостаточно бережным отношением к планете. И это нашло отражение в проблематике, поднимаемой социологами, которые теперь обратились к проявлениям природных катастроф и катастроф в целом как экстремальных событий, рассматривая их как результаты антропоцена.

Сегодня социологи предлагают свои способы изучения вопросов, связанных с изменениями климата, загрязнением окружающей среды, истощением ресурсов, параллельно исследуя и пытаясь предсказать пути развития общества в условиях непредсказуемости экологических катастроф и усложнения неопределенностей.

Социологи поставлены перед необходимостью «переоткрытия» условий и путей взаимодействия социума и природы. Формируются представления о единой социо-природной реальности, показывающей, что общество не возвышается над природой, а они взаимосвязаны. Появляются теории

«нормальных» или очередных катастроф, представления о «новых катастрофах» и неокатастрофизм как способ теоретизирования о «новых катастрофах».

Нарастающая дискуссия вокруг экологических проблем заметна не только в политических кругах, публицистике и естественных науках, а также социологии как науке, рефлексирующей по поводу общественных трендов. В связи с этим представляется важным проследить подходы в научной, экологической литературе и их отражение в социологической теории.

Таким образом, актуальность диссертации заключается в необходимости изучения социальных аспектов «новых катастроф» и обновления теоретико-методологического инструментария анализа катастроф с учетом критической рефлексии относительно классических и новейших социологических теорий.

Степень научной разработанности темы. Данная работа представляет собой одну из первых попыток проанализировать социальную составляющую «новых катастроф» в экологической сфере и их теоретическое социологическое осмысление.

Анализ окружающей среды начал фигурировать в работах социологов достаточно давно, и примерами тому являются работы Г. Спенсера, К. Маркса и Ф. Энгельса, З. Фрейда, социологов Франкфуртской школы[1].

Однако обращение к природе как самоценной субстанции в трудах социологов началось только в конце прошлого века. С процессом институционализации инвайронментальной социологии как самостоятельной отрасли научного знания было издано много научных трудов, посвященных взаимодействию природы и общества.

[1] Спенсер Г. Социальная статика: Изложение социальных законов, обуславливающих счастье человечества. – Киев, Гама-Принт, 2012; Маркс К., Энгельс Ф. Капитал. Том 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. – М., Государственное издательство политической литературы, 1960 г.; Энгельс Ф. Диалектика природы. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. – М., Государственное издательство политической литературы, 1961; Фрейд З. Недовольство культурой. – М.: Фолио, 2013; Маркузе Г. Эрос и цивилизация. – М.: АСТ, 2003; Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». – М.: Праксис, 2007; Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика Просвещения: Философские фрагменты. – М., Медиум, 1997; Marcuse H. Counterrevolution and Revolt, – London: Penguin, 1972.

Среди авторов многих научных трудов можно отметить следующих: Дж. Барри, И. Р. Данлэп, Р. Дж. Брулле, Ф. Х. Баттел, П. Дикенс, А. Джижсвижт, Л. Кинг, Д. МакКарти, М.Р. Рэдклифт, Г. Вудгейт, Р. Уайт, Дж. Ханниган[2]. В них она предстает как самостоятельная отрасль знания, раскрываются проблемы новейших реалий окружающей среды, а также дается анализ практик на разных уровнях социального действия. Особо отметим «Сборник по теории экологической модернизации: инвайронментальная реформа в теории и на практике» под ред. А. П. Дж. Мола, Г. Шпаргарена, Д. А. Зонненфельда, в котором раскрывается отдельное теоретическое направление в рамках инвайронментального подхода[3]. Среди отечественных социологов, занимающихся вопросами экологии и инвайронментальной экологии, можно отметить ученых-теоретиков И. А. Халий, Ю. Г. Маркова, исследователей И. А. Сосунову, И. П. Кулясова, С. П. Баньковскую.[4]

Помимо социологов-инвайронменталистов, существует и ряд всемирно известных социологов-теоретиков, которые исследовали вопросы окружающей среды. Н. Луман в работе «Экологическая коммуникация» писал о том, как проблемы экологии встраиваются в различные подсистемы коммуникаций общества[5]. У. Бек рассматривал не только качественно новые риски, связанные со все большим влиянием изменений климата на разные сферы жизни общества, но и те метаморфозы, которые принес интернет и

[2] Barry J. Environment and Social Theory. – NY, Routledge, 2005; Dunlap R. E., Brulle R. J, eds. Climate change and society: Sociological perspectives. – New York, NY: Oxford University Press, 2015; Dunlap R. E., Buttel F. H., Dickens P., Gijswijt A., eds. Sociological Theory and the Environment: Classical Foundations, Contemporary Insights. – Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2002; King L., McCarthy D. Environmental sociology: from analysis to action. – Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2009; Redclift M. R., Woodgate G., eds. The International Handbook of Environmental Sociology, 2nd ed. – Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited, 2010; White R. Controversies in environmental sociology. – New York, Cambridge University Press, 2004; Hannigan J. Environmental Sociology. 2nd ed. – Abingdon: Routledge, 2006.

[3] Mol A. P.J., Spaargaren G., Sonnenfeld D. A., eds. The Ecological Modernisation Reader: Environmental reform in theory and practice. – London: Routledge, 2009.

[4] Баньковская С. П. Инвайронментальная социология. – Рига: Зинатне, 1991; Халий И. А. Общество и природа: эволюция новейших концептов // История и современность. 2011, № 2; Марков Ю. Г. Социальная экология. – Новосибирск: Наука, 1986; Сосунова И.А. Социальная экология. – М., РИЦ ИСПИ РАН, 1996; Сосунова И.А. Методология и методы современной социальной экологии. – М.: МНЭПУ, 2010; Кулясов И.П. Экологическая модернизация: теоретические аспекты // Социология и социальная антропология. 2005. № 3. С. 100-113.

[5] Luhmann N. Ecological communication. – Cambridge: Polity Press, 1989.

современные технологии[6]. Э. Гидденс, акцентирующий фактор меркантильного подхода к природе, игнорирования ее будущего состояния, обосновал «парадокс Гидденса», то есть отсутствие предотвращающих действий людей по отношению к невидимым или нереальным для них изменениям климата[7]. М. Манн рассматривал климатические изменения как производную от трех факторов: капитализма, национальных государств и индивидуальных потребителей, – так как именно экономический рост и политическая гонка при истощении природных ресурсов и росте населения привели к ухудшению экологической обстановки, ставшей «слепым пятном» для политиков и обывателей[8].

Концепцию нового катастрофизма обосновал Дж. Урри в 2011 г., но и в последующих работах он поднимал темы общественно-природного коллапса[9]. Ч. Перроу обосновал не только теорию «нормальных» аварий, но и в своих работах говорил о факторах, способствующих ухудшению ситуации в современном мире, вызванном усложнением катастроф, среди которых указаны следующие: большая сплоченность населения в опасных регионах, развитие технологии и неосмотрительное ее использование, изменения климата[10].

Другое направление представлено исследованиями, посвященными современным уязвимостям, также обусловленным новыми катастрофами. Наиболее известные исследователи: В. Смил (глобальные катастрофы и тренды), С. Сассен (концепт мертвых почв и вод), М.Д. Андерсон (культуральная политика катастроф в странах Латинской Америки), З.

---

[6] Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000; Beck U. The Metamorphosis of the World: How Climate Change is Transforming Our Concept of the World. – Cambridge: Polity Press, 2016; Beck U. World at Risk. – Cambridge: Polity Press, 2009.

[7] Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. – М.: Весь мир, 2004; Giddens A. The politics of climate change. – Cambridge, Polity Press, 2009.

[8] Mann M. The sources of social power. Vol. 4. – New York: Cambridge University Press, 2013.

[9] Urry J. Climate Change and Society. – Malden: Polity Press, 2011; Urry J. Societies beyond oil: oil dregs and social futures. – London: Zed Books, 2013.

[10] Perrow Ch. The Next Catastrophe: Reducing Our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters. – Princeton, Princeton University Press, 2007; Perrow Ch. Normal Accidents: Living with High Risk Technologies. – NY, Basic Books, 1984.

Баумана (побочный ущерб индивидуалированного общества), Г. Баттон (культура катастроф), Р. Мерфи (лидерство в условиях катастрофы, в частности, глобальных климатических изменений), Д.С.К. Томас и др. (социальная уязвимость перед лицом катастроф), П.А. Сорокин (четыре «монстра»: война, голод, революции и эпидемии), Н.Н. Талеб (теория «черных лебедей»), Ф. Фукуяма (теория постчеловеческого будущего), Г. Банкофф, Г. Фреркс, Д. Хилхорст (теория уязвимостей), Н. Штер и Х. Штор (связь между погодой, климатом и человеком), К.А. Черуло (теория «слепого пятна»), С. Асаяма (апокалиптический катастрофизм)[11]. Из трудов российских социологов знаковым для данного диссертационного исследования можно назвать работы О.Н. Яницкого,[12] который определяет суть экологических катастроф, как ситуаций, когда экосистема Земли «устанавливает свой социальный порядок». Автор называет наиболее яркие случаи новейшей истории, когда пожары или цунами приводили к существенным сдвигам в жизни общества. Кроме того, он предлагает анализ аварии на АЭС Фукусима-1, где рассматривает аварию с точки зрения «самоуверенности высокоразвитого капитализма».

Кроме того, в числе русскоязычных работ по тематике данного исследования, необходимо отметить работы С.А. Кравченко, посвященные рискам и уязвимостям, в которых представлена рефлексия относительно

[11] Сорокин П.А. Человек и общество в условиях бедствий: влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь. – Санкт-Петербург: Мир, 2012; Талеб Н.Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. – М., Колибри, 2014; Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. – М., АСТ, 2004; Штер Н., Штор Х. Погода – климат – человек. – СПб.: Алетейя, 2011; Sassen S. Expulsions: Brutality and Complexity in the Global Economy. – Cambridge, Belknap Press, Harvard University Press, 2014; Smil V. Global catastrophes and trends. The next 50 years. – Cambridge, The MIT Press, 2008; Asayama S. Catastrophism toward ‘opening up’ or ‘closing down’? Going beyond the apocalyptic future and geoengineering // Current Sociology, 2015, Vol. 63(1); Anderson M. D. Disaster Writing: The Cultural Politics of Catastrophe in Latin America. – Charlottesville, University of Virginia Press, 2011; Cerulo K. A. Never saw it coming: cultural challenges to envisioning the worst. – Chicago: The University of Chicago Press, 2006; Bankoff G., Frerks G., Hilhorst D., eds. Mapping vulnerability: Disasters, development and people. – London: Earthscan, 2004, Button G. Disaster culture. Knowledge and uncertainty in the wake of human and environmental catastrophe. – Walnut Creek, CA, Left Coast Press, Inc., 2010; Murphy R. Leadership in Disaster: Learning for a Future with Global Climate Change. – Montreal: McGill-Queen’s University Press, 2009; Thomas, D.S.K., Phillips, B.D., Lovekamp, W.E., Fothergill, A. Social vulnerability to disasters. 2nd ed. – Boca Raton, FL: CRC Press, 2013.

[12] Яницкий О. Н. Экологические катастрофы: структурно-функциональный анализ. – М.: Институт социологии РАН, 2013.

вызовов усложняющихся социо-культурных реалий. Отметим монографические исследования С.В. Чугрова, занимающегося вопросами становления японской идентичности, и О.В. Аксеновой, в которой рассматривается поведения сотрудников АЭС Фукусима во время аварии 11 марта 2011 г.[13].

Существует также направление социологического осмысления конкретных кейсов катастроф, представленных такими исследователями как Д.Л. Брансма, Д. Оверфелт, Дж.С. Пику, Д.А. Идальго, К. Барбер, С. Пилвайн[14]. Их основная тематика: социологические истории об урагане Катрина, изменение климата и миграция, климатические беженцы.

Отдельный интерес представляют книги, посвященные Японии и истории ее борьбы с последствиями катастрофы 11 марта 2011 г. Их авторами являются Т. Джилл, ученые Национального исследовательского совета Национальной Академии, С. Макдонах[15].

Опубликовано и множество статей в зарубежных и российских социологических журналах, посвященные анализу современных социальных практик в сфере экологической ответственности, но среди них лишь немногие уделяли внимание «новому катастрофизму»[16]. Подчеркиваем, что

---

[13] Кравченко С. А. Риски в нелинейном глоболокальном социуме. – М.: Анкил, 2009; Кравченко С. А. Социальная диагностика рисков, уязвимостей, доверия. – М.: МГИМО-Университет, 2016; Чугров С. В. Япония в поисках новой идентичности. – М.: Восточная литература, 2010; Аксенова О. В. Парадигма социального действия: профессионалы в российской модернизации. – М.: Институт социологии РАН, 2016.

[14] Brunsma D.L., Overfelt D., Picou J.S. The sociology of Katrina. Perspectives on a modern catastrophe. 2nd ed. – Lanham: Rowman & Littlefield publishers, inc., 2010; Hidalgo D. A., Barber K., eds. Narrating the Storm: Sociological Stories of Hurricane Katrina. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2007; Pillwein S. Climate Refugees: Klimawandel und Migration am Beispiel des Inselstaats Tuvalu im Pazifik. – Hamburg, Diplomica Verlag GmbH, 2013.

[15] Gill T., Steger B., Slater D.H, eds. Japan copes with calamity: Ethnographies of the Earthquake, Tsunami and Nuclear Disasters of March 2011. – Bern, Peter Lang AG, International Academic Publishers, 2013; Pillwein S. Climate Refugees: Klimawandel und Migration am Beispiel des Inselstaats Tuvalu im Pazifik. – Hamburg, Diplomica Verlag GmbH, 2013; Brunsma D.L., Overfelt D., Picou J.S. The sociology of Katrina. Perspectives on a modern catastrophe. 2nd ed. – Lanham: Rowman & Littlefield publishers, inc., 2010; Hidalgo D. A., Barber K., eds. Narrating the Storm: Sociological Stories of Hurricane Katrina. – Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2007; McDonagh S. Fukushima: The death knell for nuclear energy? Dublin, The Columba Press, 2012; National research council of the National Academies. Lessons Learned from the Fukushima Nuclear Accident for Improving Safety and Security of U.S. Nuclear Plants. – Washington, D.C., The National Academies Press, 2014.

[16] Бек У. Освободительный катастрофизм: что это значит для изменения климата и общества риска? // Социологические исследования, 2016, № 1; Яницкий О.Н. «Пасынки» социологии: природные аномалии и катастрофы. Социологические исследования, № 1, 2012; Marriner N., Morhange Ch., Skrimshire S. Geoscience

если среди российских исследований и есть работы, посвященные инвайронментализму, то направлены они на изучение экологической культуры и экологического сознания[17]. Однако в связи с обширностью проблематики «новых» экологических катастроф многие из них описывают их особенности с точки зрения философии и социологии культуры, либо они более конкретны, являются прикладными и относятся к изучению экологического сознания. Собственно социологической рефлексии «новых» катастроф и нового катастрофизма в них нет.

Теоретико-методологическую базу исследования составили подходы современных социологов-теоретиков, обративших внимание на инвайронментальные вызовы обществу и выдвигающие идею единой социоприродной реальности – Дж. Урри, Э. Гидденс, У. Бек, З. Бауман, О.Н. Яницкий. Использованы концепции, сложившиеся в рамках социологии катастроф, социологии риска, теорий социальной уязвимости и инвайронментальной социологии. Применены методологии анализа социальной коммуникации Н. Лумана и социального конструирования реальности СМИ, методологии исследования нарративов. Значимыми для работы были методы кейс-стади и контент-анализа.

Эмпирическая база диссертационного исследования. Проведен кейс-стади аварии на АЭС Фукусима для иллюстрации возможностей социологии в исследовании «новых» экологических катастрофы на основании социологических, экологических и антропологических дискурсов. Второй

meets the four horsemen? Tracking the rise of neocatastrophism // Global and Planetary Change, 2010; Longo S.B., Clark B. An Ocean of Troubles: Advancing Marine Sociology // Social Problems, 2016. V. 63 (4).

[17] Ефимов К. М. Катастрофическое состояние окружающей среды как негативная социальная реалия XXI века: дис. … д-ра соц. наук: 22.00.04. – М., 2005; Марар О. И. Экологическая культура в современном российском обществе: дис. … д-ра соц. наук: 22.00.06. – М., 2012; Зорина А. Е. Социальная ответственность бизнеса и экологические установки населения (на примере общности в условиях риска): дис. … канд. соц. наук: 22.00.04. – М., 2015; Калиева А. Д. Влияние экологической ситуации России на формирование экологического сознания населения региона: дис. … канд. соц. наук: 22.00.04. Волгоград, 2010; Катерный И. В. Инвайронментализм в социальной философии: методологические и мировоззренческие аспекты: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. – М., 2004; Кулясов И.П. Сравнительный социологический анализ экологической модернизации в России. Диссертация. – СПб, 2005; Платонов К. А. Социальные последствия экологических рисков для населения промышленного моногорода: автореф. дис. … канд. соц. наук: 22.00.04. СПб., 2017; Родичева И. В. Социологический анализ трансформации массового экологического сознания: дис. … канд. соц. наук: 22.00.04. – Иркутск, 2009.

частью исследования стал анализ нарративов, возникших вокруг катастрофы, и контент-анализ заголовков изданий на четырех языках, отобранных за период с 11 марта по 31 марта 2011 г. Это следующие СМИ: японская газета “The Japan Times”, американская газета “The New York Times”, французская газета “Le Monde”, британские BBC и газета “The Daily Mail”, немецкий журнал “Der Spiegel”, российские РИА-Новости и газета «Комсомольская правда». Исследовано более 200 заголовков. Выбор был обусловлен желанием представить наиболее широкий диапазон данных из стран, для которых атомная энергетика является одним из важнейших в энергетической отрасли, необходимостью показать разные типы изданий и восприятие картины катастрофы в нескольких языковых мирах. Были использованы архивы статей за 2011 г., которые можно найти в интернете. Временной диапазон с момента аварии до конца марта 2011 г. объясняется тем, что это период пикового интереса к событию, достаточно длинный для того, чтобы показать динамику осмысления и отражения этого события.

В качестве источников эмпирической информации о современной экологической ситуации послужили доклад Межправительственной группы экспертов по изменению климата ООН 2014 г. и доклады ЮНЕСКО и других агентств ООН, ВОЗ, движений в защиту окружающей среды WWF и Greenpeace, релевантные теме статьи онлайн-СМИ, таких как The Guardian, The New York Times; Al Jazeera, Reuters, National Geographic, The Australian, ТАСС и РИА Новости[18].

[18] The Intergovernmental Oceanographic Commission (IOC) of UNESCO. Look deeper. An introduction to the role and functioning of the IOC of UNESCO with suggested guidelines for promoting the IOC's mission and programmes. – Paris, UNESCO, 2006; Greenpeace website. The problems of air pollution [website] // URL: http://www.greenpeace.org/eastasia/campaigns/air-pollution/problems/ (accessed 05.07.2017); IPCC Climate Change 2014 Synthesis Report [Website] URL: https://www.ipcc.ch/pdf/assessment-report/ar5/syr/AR5_SYR_FINAL_All_Topics.pdf (accessed 04.04.2017); National Geographic website. Freshwater crisis [Website] // URL: http://www.nationalgeographic.com/freshwater/freshwater-crisis.html (accessed 14.05.2017); Ulrich K. Fukushima nuclear disaster and the violation of women’s & children’s human rights // Greenpeace International [Website] URL: http://www.greenpeace.org/international/en/news/Blogs/nuclear-reaction/fukushima-nuclear-disaster-and-the-violation-/blog/58873/ (accessed 02.06.2017); UN Food and Agriculture Organization (FAO). Livestock a major threat to environment [Website] // URL: http://www.fao.org/newsroom/en/news/2006/1000448/index.html (accessed 18.04.2017); UN Press Release. Conference on cooperation of cities and citizens to cultivate 'eco-society' to be held at Tokyo, 26-29 May [Website]

Объектом диссертационного исследования являются социологические рефлексии «новых катастроф» в экологической сфере.

Предмет исследования – экологические, социологические, антропологические и публицистические тексты, представляющие дискурс о «новых катастрофах» и их проявлениях.

Цель работы – осуществить теоретико-методологический анализ социологических рефлексий и социальных аспектов «новых катастроф», включая рефлексию социального метаболизма аварии на Фукусиме.

Цель работы определяет постановку и решение следующих **задач**:

1. рассмотреть развитие социологической теории в контексте инвайронментализма и катастрофизма;
2. систематизировать категориальный аппарат, связанный с социальными аспектами новых катастроф и неокатастрофизмом;
3. проанализировать различия между «старым» типом катастроф и «новым»;
4. изучить специфику отображения «новых катастроф» в естественно-научных и социологических текстах;
5. выявить особенности отображения в СМИ «новых катастроф»;

URL: http://www.un.org/press/en/1998/19980522.eco4.html (accessed 04.06.2017); WHO (World Health Organization). Avian influenza: assessing the pandemic threat. Geneva, 2005; WHO (World Health Organization). Cumulative number of confirmed cases of avian influenza (A/(H5N1) reported to WHO. Geneva, 2007; WMO Statement ontheStateoftheGlobalClimatein 2016. [Электронный ресурс] URL: http://library.wmo.int/opac/doc_num.php?explnum_id=3414 (accessed 04.04.2017); World Health Organization website. Ambient (outdoor) air quality and health [website] // URL: http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs313/en/ (accessed 04.03.2017); World Population Prospects: The 2015 Revision [Website] // URL: http://www.un.org/en/development/desa/population/events/other/10/index.shtml (accessed 06.04.2017); World Wildlife Fund (WWF) review of deforestation [Website] // URL: https://www.worldwildlife.org/threats/deforestation (accessed 06.04.2017); World Wildlife Fund (WWF) reviewofoverfishing [Website] // URL: https://www.worldwildlife.org/threats/overfishing (accessed 06.04.2017)
Safdar A. IOM: Refugees dying at quicker rate in Mediterranean // Al Jazeera, Sept 17, 2017. [Website] URL: http://www.aljazeera.com/indepth/features/2017/09/iom-refugees-dying-quicker-rate-mediterranean-170917035605080.html (accessed 20.09.2017); UN Migration Agency. Mediterranean Migrant Arrivals Reach 131,772 in 2017; Deaths Reach 2,556 // IOM press-release, Sept 19, 2017. [Website] URL: https://www.iom.int/news/mediterranean-migrant-arrivals-reach-131772-2017-deaths-reach-2556 (accessed 20.09.2017); Wallace R. Japanese press baulks at push for 'fascist' secrecy laws // The Australian. Nov 25, 2013. [Website] URL: http://www.theaustralian.com.au/business/media/japanese-press-baulks-at-push-for-fascist-secrecy-laws/news-story/062748f2a68dba90d121a02f7c1d9fe0 (accessed 20.09.2017).

6. привести пример теоретико-методологического анализа кейс-стади аварии на АЭС Фукусима («новой катастрофы») – и на этом примере выявить возникшие вокруг этой катастрофы нарративы.

Гипотеза исследования. В данном диссертационном исследовании предполагается, что новый подход к изучению экологических катастроф в социологии означает своего рода praxis – и принципиально иные пути выхода из кризиса, которые могут предложить социологи. Укорененность «новых катастроф» в социальной структуре позволяет предполагать, что, возможно, у проблем окружающей среды подобного рода не может быть решений, лежащих исключительно в плоскости экологических и естественных наук, здесь должно быть взаимодействие социальных, гуманитарных и естественных наук – так называемый гуманистический поворот[19].

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в рассмотрении «новых катастроф» в экологической сфере, выявлении их «текучести» – принципиального отличия от прежних, старых катастроф, изучении социологических теорий, ограниченных пространственно-временными параметрами, посвященных анализу катастроф; обновлении социологического теоретико-методологического инструментария анализа катастрофы. Кроме того, возможности этого инструментария с акцентом на действия СМИ и их нарративов показаны на кейсе аварии на АЭС Фукусима в Японии – примере последней крупнейшей, планетарной атомной аварии.

Практическое значение работы состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы в учебных программах, лекционных курсах и семинарах, посвященных инвайронментальной социологии. Кроме того, ее основные положения возможно использовать при анализе международного взаимодействия, посвященного современным экологическим проблемам и урегулированию социальных последствий

[19] Кравченко С.А. Становление сложного социума: за гуманистический поворот // Вестник МГИМО-университета, №: 6 (33), 2013. С. 220–224.

крупных экологических катастроф.

Научная новизна диссертации:

1) на основе проанализированных социологических рефлексий отношений общества и природы определены теоретико-методологические основания дискурсов, возникших вокруг «новых» катастроф, и анализа социальной составляющей экологических катастроф;
2) обновлен категориальный аппарат анализа социальной составляющей «новых катастроф»;
3) дано авторское определение «новых катастроф», выявлены различия «старых» и «новых» катастроф на основе сопоставления различных социологических подходов;
4) предложены типы «новых» катастроф и выявлены особенности освещения новых катастроф в СМИ;
5) используя эксплицированные теоретико-методологические основы изучения катастроф, проведен комплексный социологический анализ социально-экологического метаболизма катастрофы на АЭС фукусима-1;
6) дифференцированы особенности нарративов «новых катастроф» на примере катастрофы в Японии.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Развитие инвайронментальной теории проходило в четыре этапа: поначалу, на первом этапе, редкие построения социальной теории на основе природных законов у классиков социологии, которые рассматривали природу были перифирийными (К. Маркс, Г. Спенсер). На втором этапе, с возвращением к тематике отношений природа-общества, произошло усиление интереса через социальную психологию З. Фрейда и у социологов Франкфуртской школы. На третьем этапе, в 1970-е гг. возникла новая экологическая парадигма, которая в 1990-е гг. распалась на критический

реализм и социальный конструктивизм, возникла теория экологической модернизации – и все эти направления уже не были отвлеченными и философскими, но строились на экономических и экологических данных. В XXI в., на четвертом этапе, опираясь на подходы инвайронментальной социологии, теории риска У. Бека, «нормальных аварий» Ч. Перроу, теории уязвимости, «парадокса» Гидденса, неокатастрофизма Дж. Урри, теории экологической коммуникации Н. Лумана, можно сказать, что вопросы экологии вышли за пределы инвайронментальной социологии и социологии катастроф и стали мета-теоретизированием об отношениях окружающей среды и общества.

Нарастание противоречий и уязвимостей в отношениях природа-общество явилось предпосылкой экологического неокатастрофизма. Неокатастрофизм может быть концептуализирован в настоящее время как теоретико-методологическое основание социологического изучения взаимосвязи социума и окружающей среды.

2. Категориальный аппарат анализа социальной составляющей «новых катастроф» концептуализируется посредством обращения к социально-экологическому метаболизму катастроф, под которым, согласно определению О. Н. Яницкого, понимаются сложные обменные процессы между обществом и природой в процессе разворачивания и затухания катастрофы. Можно выделить несколько концептуальных блоков, характеризующих разные аспекты метаболизма. Во-первых, происходит обращение к «новым катастрофам» как к феномену, рассматриваемому с помощью представлений о «нормальных авариях», каскадирующих катастрофах, патологической окружающей среде, поврежденном сообществе и травме, ландшафте катастроф. Эти аспекты свидетельствуют об изменении понимания сути катастроф как непосредственно социо-природного явления, оставляющего глубокий след на функционировании сообществ и окружающей среды. Во-вторых, концептуализируется человеческая сторона

катастрофы (экологические беженцы, солидарность жертв риска, приспособляемость и уязвимость, стигматизация и виктимизация, экофеминизм). Третий аспект концептуализации связан с отражением катастроф в СМИ. Он представлен анализом фреймов катастрофы и ее нарративов (включая транслируемые), секвестрации знания, информационной неуверенности, нарративов жертвы и героя.

3. Сочетание традиционных, и «новых» катастроф требует обновленных теоретико-методологических подходов для их изучения и усложнения инструментария исследования катастроф. «Новые» катастрофы в сравнении со старыми являются более сложными, нелинейно развивающимися, имеют многоуровневые последствия. «Новые катастрофы» – растянуты во времени, корни свои берут в прошлом, нередко обусловлены самой культурой обращения человека с природой. В них велика роль человеческого фактора, ошибок и недочетов.

В отличие от «старых» катастроф, «новые» не однократны и несут с собой парадоксальные риски и усиление уязвимостей, они глобально-локальны. «Новые катастрофы» имеют транснациональный характер, т.к. чувство коллективного страха распространяется на людей не только из-за их территориальной близости к катастрофе. Травматический опыт «новых катастроф» заставляет задуматься не только о вопросах безопасности использования сложной техники и факторе человеческих ошибок, но и о взаимосвязанности общества и природы. В этом состоит эмансипирующий характер «новых катастроф».

4. Типы «новых» катастроф были классифицированы в соответствии с их воздействием на человека: от макро до микроуровня. К ним относятся: 1) планетарные изменения, вызванные трансформацией климата; 2) антропогенные изменения, к которым можно отнести загрязнения почв, вод, атмосферы и проч.; 3) высокомобильные эпидемии. Все они в сознании людей конструируются СМИ, и взаимосвязаны в своей многополярности, в

воздействии на каждого человека вне зависимости от рискогенности места проживания. К особенностям освещения «новых» катастроф в СМИ относится то, что транслируемые сообщения встраиваются в единый апокалиптический мета-нарратив, в котором журналисты конструируют реальность беззащитности перед ударом стихий, противопоставляя человека природе, и, в то же время, говоря о безопасности технологий.

Социальные институты, способные разрешить проблемы реабилитации после «новой катастрофы» – это религия, образование. Возможный путь выхода из кризиса – нарративные практики и социальная психотерапия. Это обусловлено наращиванием социального капитала, необходимым для преодоления травм, помощи пострадавшим и воспитания бережного, системного и рационального отношения к природе и энергии.

5. Методология социологического исследования «новых катастроф» предполагает использование дискурс-анализа социологических, экологических, антропологических и публицистических текстов. Она была апробирована на изучении кейса аварии на АЭС Фукусима. Это соединение антропологического и социологического анализа, раскрывающего техническую и природную составляющие катастроф, в которых высока доля и человеческого фактора. В анализ включен процесс социально-экологического метаболизма, исследование социально конструируемой уязвимости и приспособляемости, солидарностей жертв риска, проявленных в совместных действиях волонтеров и местных жителей. Экологическая и радиационная обстановка замалчивалась властями, и происходила информационная секвестрация. Однако, наряду с дисфункциональными последствиями катастрофы можно выделить и функциональные. К последним можно отнести то, что весь мир – благодаря действию СМИ, – узнав об аварии на АЭС Фукусима, по-новому обратился к проблемам безопасности ядерной энергетики и переосмыслению отношений «окружающая среда – общество», а также в волне экофеминизма, когда

женщины стали более самостоятельными в отстаивании своих интересов. Тем не менее, несмотря на продолжающееся загрязнение и утечки, интерес к этой аварии затих с течением времени.

6. Возникшие в Японии и в мире нарративы вокруг четверной катастрофы (землетрясение, цунами, авария, волна слухов) на АЭС Фукусима можно разделить на локальные и транслируемые. Пять локальных нарративов, глубоко укорененных в национальной культуре, призваны облегчить травму и справиться с ней – или же стигматизировать жертвы (сопоставляя, например, нарративы *mujo* – выживания несмотря на превратности судьбы, и индивидуальные нарративы самоизоляции вплоть до самоубийства и жертвы). К ним же относятся нарративы природной и антропогенной катастрофы, первый рассматривается, как «кара небес», а второй – замалчивается.

Транслируемые транснациональные нарративы рассматривают трагедию сквозь призму западного взгляда на жизнь. Проведенный нами контент-анализ более 200 заголовков газет шести стран выявил семь нарративов, которые объединяли четверную катастрофу в общее понятие «кризис», основное внимание уделялось радиации и возможному загрязнению территорий их стран. Кроме того, было показано и человеческое лицо трагедии: от разрушенных цунами семей и оставленных людей («человеческая сторона») до «героев-спасателей». Есть и нарративы «сухих фактов», в которых подается информация, «мнимого спокойствия», пропогандируемого учеными, «поиска виноватого», обвиняющего власти и компанию-оператора, «судного дня», пугающего людей апокалиптичными картинами, «сопоставления ситуации», сравнивающего положение с атомной энергетикой в разных странах.

Степень достоверности и апробация результатов исследования

Основные положения, сформулированные в настоящем диссертационном исследовании, нашли отражение в научных публикациях

автора в журналах, включённых в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации по социологическим наукам.

Ряд положений данной работы был представлен на всероссийских социологических конференциях: дни науки МГИМО МИД России (2014 г., 2017 г.), XIV Международная научно-практическая конференция «Гуманитарные и естественнонаучные факторы решения экологических проблем и устойчивого развития» (2017 г.), XI Ковалевские чтения «Глобальные социальные трансформации XX – начала XXI вв.» (к 100-летию Русской революции) (2017 г.).

Структура диссертационного исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор темы и ее актуальность, описывается научная разработанность проблемы, формулируются цель и задачи исследования, определяются его научная новизна, теоретическая значимость, практическая ценность. Кроме того, в нем освещаются теоретические и методологические основы работы, объект и предмет исследования.

В **Главе 1. «Теоретико-методологические основы изучения социальной составляющей экологических катастроф в социологии»** проводится анализ работ социологов, которые уделяли внимание вопросам взаимоотношения общества и окружающего мира.

В первом параграфе «Нарастание противоречий и уязвимостей в отношениях природа-общество как предпосылка экологического неокатастрофизма» рассмотрен вопрос «периферийности» инвайронментальной социологии и новизны «экологического поворота» для социологии в целом.

Несмотря на то, что взаимоотношения общества и природы всегда были встроены в философскую мысль и рассматривались многими религиями, поворот науки к этому вопросу осуществился в XIX в. Тогда одним из первых обратился к этому вопросу Г. Спенсер, видевший в природе образ законов социума, К. Маркс и Ф. Энгельс, писавшие об отчуждении человека от природы. Значительная часть социологов того времени не занималась этим вопросом, так как считалось, что это приближает их к биологии и психологии.

Франкфуртская школа рассматривала «темную сторону модерна», эксплуатацию природы и то, как люди отчуждаются друг от друга и начинают использовать природные ресурсы и эксплуатировать не только внешний, но и внутренний мир. В теории социологов этой школы, М. Хоркхаймера и Т. Адорно, Г. Маркузе, Ю. Хабермаса, произошло

развенчивание и в то же время новое «околдовывание» природы. Они также рассматривали роль движений в защиту окружающей среды.

В 1970-е гг. возникла новая парадигма в социологии Р. Данлэпа и У. Р. Каттона, в рамках которой говорилось о смене антропоцентричной парадигмы на так называемую «новую». Она говорит о хрупкости причинно-следственных связей между природой и действиями человека и о том, что прогресс не бесконечен. Эта парадигма стала основанием для становления инвайронментальной социологии, которая стала институционализироваться по мере того, как были опубликованы доклады Римскому клубу, прошла конференция ООН в Рио в 1992 г. Впоследствии возникла теория экологической модернизации, которая рассматривала варианты изменения в геополитике и «озеленения» производства.

Среди современных, крупных социологов, рассматривавших вопросы окружающей природы, можно назвать Н. Лумана, который говорил о важности коммуникации для понимания и осознания происходящих в природе катастроф и общественных подсистемах, способных раскрывать их, используя собственный язык. Э. Гидденс сформулировал «парадокс отложенных последствий», и выдвинул ряд рекомендаций политикам для поиска путей выхода из сложившейся экологической ситуации на планете. Дж. Урри предложил принципиально новую концепцию неокатастрофизма, которая заключается в соединении в долгосрочной перспективе природных, технических и антропогенных факторов, стоящих за современными экстремальными событиями, такими как климатические изменения, продовольственные и энергетические кризисы. У. Бек выдвинул концепцию общества риска и метаморфозы мира, эмансипирующего катастрофизма и космополитизации мира, научного незнания, и все они раскрывают происходящие с миром изменения с точки зрения необходимости трансформации научной перспективы современного мира, ее расширения и преодоления национальных границ, формирования общего «мы»,

обусловленного появлением интернета и катарсисом от глобальных катастроф.

В социологии катастроф особую роль играет теория О. Н. Яницкого, рассматривавшего социально-экологический метаболизм катастрофы, которая говорит о длительном характере формирования катастрофы: предшествующем ей периоде, самом событии и последствиях, причем все они вписаны в социальный, экономический и культурный контекст. Ч. Перроу выдвинул теорию «нормальных» аварий, то есть катастроф, как событий, которые неминуемы и заложены в технической составляющей и человеческом факторе, существующих на любом производстве. П. Сорокин говорил о поляризации миров при происходящих катастрофах, что означает разделение социума на противоположные полюса в кризисных ситуациях (например, революция обнажает в одних людях положительные и духовные качества, а в других самые низменные).

Во втором параграфе, «Категориальный аппарат анализа экологических катастроф», рассмотрена социологическая категориальная база анализа катастроф в экологической сфере. Можно выделить несколько концептуальных блоков, характеризующих разные аспекты метаболизма.

Во-первых, наиболее объемные понятия, связанные с концепциями «нового» катастрофизма, это понятия, предложенные Дж. Урри – это ресурсный поворот, новый эпохализм, новый катастрофизм. У. Бек предложил понятия эмансипирующий катастрофизм, метаморфоза, существуют также понятия апокалиптический катастрофизм, антропоцен. Они отражают сущность происходящих с природой трансформаций, глобальность текущих изменений и их преображающий мир характер, его социальные, экологические и культурные, экономические и политические подсистемы.

Понятия катастрофы и ландшафта катастрофы, социально-экологический метаболизм катастрофы, фрейминг катастрофы, нарратив

катастрофы, в том числе транслируемый, секвестрация знания, информационная неуверенность показывают катастрофу как комплексный феномен, раскрывающийся во времени – и как социальное явление, имеющее функциональные и дисфункциональные последствия. При этом существующие вокруг катастрофы нарративы способны влиять на коллективную травму людей и исцелять ее или же усугублять, действуя равно как на микро, так и на макроуровне.

Понятия приспособляемость, уязвимость, солидарность жертв риска, патологическая окружающая среда, поврежденное сообщество, экологические беженцы и миграция, экофеминизм и экологическая справедливость относятся к сути вызовов, происходящих с людьми и их ответов на это, как на уровне сообществ, так и на уровне социологических ответов.

В **Главе 2. «Социологический анализ аспектов “новых” катастроф»** последовательно рассматривается, в чем заключаются различия в формировании, протекании и развитии катастроф старого и «нового» типов.

В ее первом параграфе «Новые катастрофы: влияние на социум и природу» показан теоретический подход к «старым» и «новым» катастрофам, их различия.

«Новые катастрофы» – растянуты во времени, корни свои берут в прошлом, нередко обусловлены самой культурой обращения человека с природой. В них велика роль человеческого фактора, ошибок и недочетов. К их отличиям от «старых» катастроф можно отнести то, что они являются каскадирующими, ползучими, глобальными, а по последствиям они вызывают необходимость изменения общественно-политического порядка. К критическим проблемам, вызываемым «новыми» катастрофами можно отнести посттравматический синдром, падение трудоустройства, временную миграцию, проблемы молодежи – на более масштабном, чем в случае «старых» катастроф, уровне.

Несмотря на то, что ответственность за борьбу с последствиями катастроф лежит на уровне правительств, de facto тяжесть последствий катастроф несут местные жители и международные неправительственные организации, которым приходится принимать решения в условиях информационной неуверенности и секвестрации знания, исходящей от национальных властей.

В качестве противодействия в борьбе с последствиями ударов катастроф социологи называют религию. Она выступает своего рода стабилизатором, – и этот факт подтверждается многими социологическими исследованиями. С одной стороны, религия служит связующим звеном для людей при координации их усилий. С другой, она помогает им примириться со стихией, называя первопричину, будь то Божья воля или ход судеб мира. Еще несколькими важными социальными институтами являются образование, способное обратить внимание людей к проблемам окружающей среды и позволить им предложить решения в области ее защиты, а также психология и нарративные практики, в рамках которых люди получают надежду справиться с последствиями катастроф.

«Новый» катастрофизм приносит с собой и новое «околдовывание» природы. Он обнажает скрытые, резкие, неожиданные силы – только проявляются они не в грозе или наводнениях, локальных ударах, а в глобальных, ползучих катастрофах. Освещающие их СМИ, транслирующие 24 часа ужасающие изображения, создают атмосферу вышедшей из-под контроля природы, отсутствия стабильности и уверенности в собственной безопасности, – ужаса, охватывающего толпы. И тогда журналисты представляются новыми «магами», создающими реальность беззащитности перед ударом стихий или иллюзию безопасности перед разрушительной атомной энергетикой. Получается, что нарратив, конструируемый СМИ, почти всегда стремится быть апокалиптическим. Помимо этого в процессе рисковой коммуникации практикуется выборочность нарративов,

обусловленная тем, что подобное искажение необходимо для политиков, трактующих и избирающих события с выгодной им точки зрения.

Катастрофы обладают дисфункциональными и функциональными последствиями. Они несут с собой как апокалиптический катастрофизм, так и эмансипирующий: с одной стороны, ужасая своими последствиями и приводя к необходимости пересмотра существующей политики и принятия жестких экологических мер, с другой стороны, они способны объединять людей по всему земному шару чувством солидарности, необходимостью создания новых исследовательских центров и формированием образовательных усилий.

Во втором параграфе «Типы «новых» катастроф и различия их социальных последствий» дается авторская типология «новых катастроф», в зависимости от направленности их воздействий на природу и общество.

В первую очередь, это планетарные катастрофы, являющиеся производными от изменений климата, его турбулентности. Это могут быть как тайфуны и ураганы, так и цунами, засухи и наводнения. И, несмотря на то, что современные ученые в основном концентрируются на поиске решений или доказательств, они выступают агентом метаморфозы окружающего мира.

В качестве второго типа можно назвать антропогенные изменения лица планеты, то есть те изменения в экосистеме планеты, которые привносит деятельность человека. Это вырубка лесов и уменьшение биоразнообразия Земли, всевозможные загрязнения атмосферы, «мертвые» почвы и воды, а также тепловое загрязнение и проблемы, связанные с замусориванием не только окружающей среды, но и культуры в целом. Эти феномены порождают и явление экологической миграции, и истощение природных энергетических ресурсов.

Третий тип – это проблемы, вызванные, с одной стороны, ростом вирусной сопротивляемости и появлением новых, мутирующих бактерий и

вирусов, а с другой – появлением лекарств, которые также способны влиять на человеческое сознание и психику, и речь здесь идет о психотропных препаратах.

Все три выделенных типа говорят о том, что человек все больше противопоставляется природе и в идущей против нее борьбе, в ситуации истощения ресурсов и опасности нависшей угрозы эпидемий и смертельных болезней он оказывается не в состоянии справиться с поддержанием хрупкого баланса экосистемы.

В **Главе 3. «Авария на АЭС Фукусима-Даичи: кейс-стади “новой” катастрофы»** проанализированы события катастрофы на АЭС Фукусима-Даичи, произошедшей в марте 2011 г., и нарративы, существовавшие вокруг нее.

В первом параграфе «Социально-экологический метаболизм катастрофы на АЭС Фукусима» раскрываются культурные и социальные факторы, стоящие за аварией 11 марта 2011 г. Катастрофу на АЭС Фукусима мы отнесли к «новому» типу катастроф. Это подтверждает ряд факторов: она растянута во времени, с ее последствиями до сих пор борются и не всегда успешно, она глобально-локальна по своему характеру: произойдя в небольшой префектуре Японии, она повлияла на весь мир, своим сообщением о важности экологической справедливости.

Неокатастрофы больше ударяют по незащищенным и наиболее уязвимым слоям населения, и авария на АЭС Фукусима доказательство отсутствия экологической справедливости, как таковой. Слабые или некрепкие по состоянию здоровья, дети и старики, начинают страдать от рака, бедные и маргинальные слои отправляются заниматься работой по восстановлению АЭС, тем самым рискуя своей жизнью. Немаловажный фактор – и появление самоубийств, связанных с катастрофой на АЭС Фукусима, как пролонгация посттравматического синдрома в условиях изоляции.

Человеческий – в том числе и с точки зрения культуры и национальности – фактор при анализе социально-экологического метаболизма важен и в посткатастрофный период. Возникла волна спонтанного эко-феминизма. Солидарность жертв риска проявилась и в работе мужчин по восстановлению разрушенных цунами поселений и возобновлению рыболовецкой отрасли.

Особую роль при изучении кейса мы отвели коммуникации. В первую очередь, это провальная коммуникация между менеджментом компании-оператора и правительством, вызвавшая столько критики в свой адрес. Но, кроме того, это и возникшие среди населения и транслируемые в СМИ нарративы. На них мы остановились во втором параграфе «Нарративы катастрофы на АЭС Фукусима».

Первый нарратив – *tensai* – говорит о природной катастрофе, цунами. Второй нарратив – *jinsai* – говорит об антропогенной катастрофе, об аварии на ядерных реакторах. Японцы прибегали к термину *mujō* (выживание несмотря на превратности судьбы), чтобы описать свое состояние и жизнь после удара цунами. Авария на атомной электростанции породила определенную дискриминацию – и нарратив жертвы, *hibakusha*. Еще один нарратив, зачастую очень индивидуалистский – человека, заключенного в свое одиночество.

В результате контент-анализа более 200 заголовков газет шести стран мира мы выделили несколько транслируемых в СМИ нарративов исследуемой катастрофы. В первую очередь, это нарратив «судного дня» – или апокалиптическая картина тройного удара, буйства природы и опасности радиационного заражения, – который можно встретить в британских таблоидах. Второй нарратив «сухих фактов», свойственен британской и немецкой журналистике; ему присуща даже некоторая оптимистичность и нацеленность на избегание провокационности. Везде встречается нарратив «героев»-спасателей (50 «ядерных самураев» Фукусимы), из «человеческих»

историй также есть нарратив «оставленных» людей (пострадавших, эвакуированных и оставшихся на местах), который можно найти во французской и англоязычной японской прессе. В японской и русской прессе можно обнаружить нарратив «мнимое спокойствие», выражающийся в словах ученых о том, что страх перед радиацией не реален. Есть также нарративы «сопоставления ситуации»: слова о влиянии катастрофы на местные сообщества и другие страны, их атомную энергетику, в том или ином виде присутствующие во всей рассмотренной прессе. Нарратив «поиска виноватого» наиболее ярко представлен во французской прессе, что может быть вызвано актуальностью вопроса ядерной безопасности для страны.

Можно говорить о том, что, по крайней мере, в западной прессе, японское правительство и его действия были показаны, как слабые и ошибочные в условиях аварии на АЭС Фукусима, с «фашистскими» мерами, направленными против журналистов, освещающих трагедию в ином русле, нежели удобно власти.

В **Заключении** диссертации подводятся итоги проведенного исследования и формулируются основные выводы. Также сформулированы рекомендации для исследователей, которые занимаются новейшей проблематикой инвайронментальной социологии.

Объем диссертации составляет 205 страниц, библиографический список включает 198 использованных источников на русском, английском и немецком языках.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях (общий объем 3,38 а. л.):

Статьи в ведущих рецензируемых изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки РФ:

1. Перова А.Е. Роль СМИ в освещении «новых» катастроф: нарративы и риски // Коммуникология, 2017. №5, Т. 5. С. 46–58.
2. Перова А.Е. Локальные нарративы «новой» катастрофы на примере аварии на АЭС Фукусима-1 в Японии // Вестник МГЛУ. Общественные науки, 2017. Вып. 2 (786). С. 226–234.
3. Перова А.Е. Транслируемые нарративы «новой» катастрофы: кейс-стади аварии на АЭС Фукусима-1 // Вестник университета, 2017. № 11. С. 166–172.
4. Перова А.Е. Неокатастрофизм в экологической сфере: социологические рефлексии // Вестник университета, 2017. № 12. С. 205–210.
5. Kravchenko S.A., Perova A.E. “New catastrophism” and the future: the demand for non-linear knowledge («Новый катастрофизм» и будущее: востребованность нелинейного знания) // Вестник РУДН, 2017. №4, Т. 17. С. 449–459. (Scopus).